

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Павел Усанов

Позолоченный век
и Прогрессивная эра в США:
уроки для современности

Препринт М-63/18

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2018

УДК 334.021:35
ББК 66.2(0)´6; 66.3
У 74

У 74 **Усанов П. В.**

Позолоченный век и Прогрессивная эра в США: уроки для современности / Павел Усанов : Препринт М-63/18. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 48 с. — (Серия препринтов; М-63/18; Центр исследований модернизации).

Период с 1865 по 1914 г. является наиболее успешным периодом в экономической истории США. Позолоченный век, длившийся в США с 1870 по 1900 г., дает пример экономического развития, опирающегося на принципы *Laissez Faire*. Результаты были беспрецедентными: появление новых отраслей, товаров, изобретений, рост заработной платы, увеличение численности населения сделали США наиболее развитой экономикой, поставив ее на первое место в мире по промышленному производству. На смену этому периоду пришла эпоха прогрессизма, радикально пересмотревшая фундаментальные принципы американской внутренней и внешней политики. На смену ограниченному государству Позолоченной эпохи пришло тотальное государство Вудро Вильсона.

В данной работе исследованы причины и последствия этого перехода. Продемонстрирована ситуация, сложившаяся в общественно-политической мысли начала XX в., которая сделала возможным такой переход. Показано то, как развивалась экономика в период 1870–1918 гг. и какие изменения происходили в политической системе США.

Главный урок для современности состоит в том, что применение принципов *Laissez Faire* приводит к колоссальному прогрессу в экономике и культуре, а попытки отказаться от этих принципов приводят к разрухе и культурной деградации.

Информация об авторе: Усанов Павел Валерьевич — кандидат экономических наук, доцент факультета сравнительных политических исследований РАНХиГС, ведущий научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета, директор Института Хайека; usanovpv@mail.ru.

Лучшее правительство — это такое, которое управляет меньше всего.

Томас Джефферсон (1743–1826),
3-й президент США

Я не могу представить себе власть как отрицательное, а не положительное явление.

Вудро Вильсон (1856–1924),
28-й президент США

Подлинная история человечества — это история идей. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы, производства и все, что называют экономическими условиями.

Людвиг фон Мизес (1881–1973)

В 1873 г. вышла в свет книга Марка Твена и Чарльза Уорнера «Позолоченный век», ей предстояло дать имя целой эпохе, которая началась примерно в то же время, что и вышла в свет книга. В этом романе США изображены как страна, где на поверхности все прекрасно, но в глубине все совсем не так. «Не все то золото, что блестит» — гласит известная пословица. Примерно об этом же и роман Марка Твена¹. Позолоченный

¹ В романе есть удивительно прозорливые наблюдения о коррупции в Вашингтоне и при этом непонятный страх перед новыми технологиями. Его полусумасшедший герой, которого высмеивает Твен, верит в пароходы, железную дорогу и уголь. Все это вызывает у Твена лишь усмешку. И это в период, когда все это станет источником колоссального прогресса США: «Есть на свете еще большее чудо — железная дорога! Наше дурачье про нее и не слыхивало, а услышит — не поверит.

век — это период бурного развития американской экономики, период веселья, поверхностности и несерьезности. Это период, когда США стали самой крупной промышленно развитой державой мира, именно с этого периода лидерство переходит от Великобритании к США. Но это еще и переломный момент именно в американской истории, так как на смену Позолоченному веку приходит Прогрессивная — и очень серьезная! — эра, когда выходят на поверхность те тенденции в общественно-политической мысли, которые были неприметными для наблюдателя в 1870–1890-е гг. Если в начале этого периода США — страна со свободной рыночной экономикой, ограниченным государством и идеологией индивидуализма, то к концу 1913 г. — страна, которая активно наращивает вмешательство государства в экономику, заменяет индивидуализм коллективизмом и стремится быть не менее прогрессивной, чем Старый свет; стремится к милитаризму и интервенционизму. Как же стал возможен и почему произошел переход страны от принципов ограниченной власти отцов-основателей к всемогущему государству Вильсона и чуть позже Франклина Рузвельта?

Прежде всего необходимо рассмотреть итоги Гражданской войны 1861–1865 гг. в США, так как с нее начинается эпоха, которая нас будет интересовать.

Реконструкция

Перелом в Гражданской войне 1861–1865 гг. наступил после издания правительством Авраама Линкольна закона о гомстедах от 20 мая 1862 г. Гомстед получили 1 423 808 поселенцев [Севастьянов 1985, с. 22]. Этот закон способствовал движению людей и ресурсов на запад, приобретение права на землю фактически происходило в уведомительном порядке. Множество фермеров уехали на запад и создали там свои хозяйства.

Но это тоже чистая правда. Вагоны летят по земле, двадцать миль в час делают! Подумать только, Нэнси: двадцать миль в час! Даже дух захватывает! Когда-нибудь, когда нас с тобой уже не будет, железная дорога протянется на сотни миль — от Северных штатов до самого Нового Орлеана» [Твен 1959, с. 16]. В романе этого мечтателя ждет крах, как и других предпринимателей. В век огромных успехов бизнеса Твен писал в 1873 г.: «...тысячи американских семей не подозревают о том, что их благополучие и богатство висят на ниточке, которая в любую минуту может оборваться под тяжестью рискованных спекуляций или непредвиденных осложнений» [там же, с. 231].

Следующим шагом была отмена рабства 1 января 1863 г. [Кавтарадзе 2005, с. 180]. Эти события предшествовали победе северян, которая состоялась в мае 1865 г. После завершения войны встал вопрос о реинтеграции южных штатов, для достижения этой цели был принят Акт о реконструкции в 1867 г. [там же, с. 181].

Разруха и жертвы войны были колоссальными. В том числе в финансовой сфере. Гражданскую войну Соединенные Штаты закончили с обесценившимися неконвертируемыми гринбеками и огромным государственным долгом [Ротбард 2009, с. 149]. Федеральный долг вырос с 64,7 млн долл. в 1860 г. до 2,32 млрд долл. в 1866 г. [там же, с. 151].

Быстро росли цены. Инфляционистская политика дешевых денег во время войны — в силу обесцениения доллара и удорожания золота — не только обеспечивала промышленников дешевым кредитом, но и служила в качестве дополнительной тарифной политики [там же, с. 150]. Северяне-промышленники были заинтересованы в защите своей продукции от иностранных конкурентов², поэтому инфляция была им на руку. А вот южане являлись сторонниками свободной торговли, и тарифы им были не выгодны.

Северяне-промышленники отстаивали инфляционистскую политику и после войны. Так, в 1874 г. политик-инфляционист Ричард Шелл стал членом Конгресса, где предложил скандальную схему в духе Кейнса, который спустя много лет обронил замечание, что важно только одно: «тратить деньги, и совсем не важно, на что именно — на строительство пирамид или рытье канав» [там же, с. 151].

Шелл призывал федеральное правительство прорыть канал от Нью-Йорка до Сан-Франциско и оплатить строительство исключительно эмиссией гринбеков. Инфляция выгодна тем, кто первым получает деньги от эмитента, так что нет ничего удивительного, что промышленники противились возврату к золотому стандарту.

Несомненно, истинная причина Гражданской войны была не в рабстве или не только в нем. Линкольн не хотел допустить потери денег в бюджете, ведь Юг обеспечивал экспорт и платил приличные таможенные пошлины (тогда пошлины были основным источником доходов, не было подоходного налога, налога на прибыль, НДС), когда Север был защищен высокими тарифами. Выход южных штатов из Союза означал бы потерю этих денег.

² Уровень промышленных пошлин достигал 2/3 стоимости ввозимых промышленных товаров [Севастьянов 1985, с. 13].

Рафаэль Семмс, адмирал Конфедерации, вспоминал, что однажды Линкольн в ответ на чью-то реплику, почему бы не дать Югу уйти, раздраженно воскликнул: «Дать Югу уйти! Откуда тогда мы будем получать наш доход?» [Майбурд 2017, с. 464].

Джон Болдуин и многие другие всеми силами уверяли Линкольна, что семи южным штатам нужно дать отделиться мирно³. Исторические и экономические связи свое возьмут, убеждал он, и рано или поздно Юг вновь соединится с Союзом. На это Линкольн ответил: «Ага, и открытый Чарльстон и прочие порты с их тарифом в десять процентов? Что тогда станет с моим тарифом?» [там же, с. 465].

Реконструкция не означала ни усилий по восстановлению разрушенной экономики Юга, ни того, что называют залечиванием ран. Все обстояло прямо наоборот. Это была попытка «севернизации» южных штатов. А попутно — выжать из них сколько возможно средств для покрытия военных долгов и под шумок пограбить то, что осталось от их богатства.

Мы правильно представим происходившее, если поймем, что действия правительства Севера были подобны поведению каких-нибудь колонизаторов в Африке или Азии. «Севернизация» была попыткой сделать на Юге все, «как на Севере», включая коррупционное сращивание промышленности с государством. Были запрещены флаги и ношение военной униформы Конфедерации. Бывшие офицеры-конфедераты были обложены особо высокими налогами и не могли занимать политические должности. Все белые ветераны Конфедерации были лишены права голосовать. На южные штаты был распространен акт о налогах 1864 г. Он включал: прогрессивный подоходный налог, всевозможные налоги с продаж и тариф. С Севера сюда пошел Большой Бизнес, финансируемый государством,

³ В 1848 г. Линкольн писал по поводу отделения Техаса от Мексики: «Любые люди где угодно, если хотят и могут, имеют право восстать, стряхнуть существующее правительство и сформировать новое, которое больше им подходит.. Это право не ограничено случаями, когда его осуществляет весь народ. Любая часть народа может встать на путь революции и сделать своей всю территорию, которую они населяют». К 1861 г., когда он стал президентом Соединенных Штатов, прежнее мнение Линкольна о самоопределении народов менялось на прямо противоположное. «Я считаю, что Союз этих штатов вечен, — сказал Линкольн в своей инаугурационной речи. — Этот Союз нерушим, и я во всю меру своих сил, как обязывает меня сама Конституция, обеспечу, чтобы законы Союза беззаветно выполнялись во всех штатах». Затем он назвал суверенитет штатов софизмом и пояснил: «Союз старше штатов и в действительности он создал их как штаты» [Майбурд 2017, с. 434].

и началось отчуждение земель для железных дорог (вместе с фермами и хозяйствами на этих территориях). Подчас новые проекты затевались без экономической необходимости, только ради получения денег из кормушки [там же, с. 474].

По сути, Линкольн был тем, кто заложил основы милитаристского государства, и хотя его призрак дремал до начала XX в., он дал о себе знать, когда началась эпоха прогрессизма.

Гражданская война в США, унесшая 620 000 жизней (погибло больше американцев, чем в Первую и Вторую мировые войны, вместе взятые [Faust 2008, р. XI]), официально завершилась 9 мая 1865 г. (хотя последнее сражение было 22 июня 1865 г.). Несмотря на колоссальные потери, период после войны являлся беспрецедентным в экономической истории. Именно тогда США стали самой мощной экономикой мира и приобрели вид, узнаваемый и сегодня: электричество, газовое освещение, позже замененное электрическим, небоскребы, железные дороги, автомобили, богатейшие люди мира в дорогих костюмах, банки, биржи, кинематограф, телефон... Манхэттен — витрина капитализма — приобрел современный вид в период бурного развития американской экономики в 1870–1914 гг. Без выдающихся предпринимателей и изобретателей это было бы невозможно. Корнелиус Вандербильт, Джон Рокфеллер, Джон Пирпонт Морган, Эндрю Карнеги, Генри Форд, Томас Эдисон, Никола Тесла, братья Райт, Александр Белл не открыли Америку, они ее построили!

Промышленная революция в Америке

Это было по-настоящему уникальное время для развития экономики. Накопление капитала в данный период происходило быстрее, чем когда-либо до или после этого, что признают даже левые экономисты [Пикетти 2015, с. 156], полагая, правда, что время с 1914 по 1945 г. было лучше, поскольку тогда войны сократили неравенство.

С окончания Гражданской войны до конца столетия объем средств производства вырос вчетверо, намного больше, чем численность рабочей силы, которая увеличилась менее чем на 150 %. Поэтому быстро выросла и величина производственного капитала на одного рабочего, примерно на 80 % всего за три десятилетия. Кроме того, улучшилось качество трудовых ресурсов: средний рабочий стал более здоровым, образованным и лучше

обученным, а изобретательность и освоение новых методов производства обеспечивали стремительное накопление интеллектуального капитала [Хиггс 2010, с. 155].

Доход на душу населения вырос с 168,8 долл. в 1870 г. до 332,2 долл. в 1910 г. [Кондратьев 1926, с. 190]. В то же время частная благотворительность была источником решения социальных проблем, поэтому образование, здравоохранение и социальная поддержка осуществлялись без государства. Например, в Вирджинии церковные приходы давали деньги и пищу нуждавшимся прихожанам. Кроме того, советы приходов собирали десятину с прихожан в пользу тех членов приходов, кто содержал престарелых бедняков, детей-сирот и нуждающихся родителей, а также для поддержания работных домов и бедных фермеров [Берман 2008, с. 234].

Государственная власть в сфере просвещения была также незначительной. Крупнейшие колледжи и университеты создавались и финансировались частными лицами. Помощь бедным, здравоохранение, другие формы социального обеспечения почти полностью решались добровольными объединениями, особенно объединениями, преследующими религиозные цели [там же, с. 235].

В этот период появились выдающиеся американские писатели: Марк Твен, Уолт Уитмен, Генри Лонгфелло, Герман Мелвилл, Эмили Дикинсон, Джек Лондон, О. Генри.

Среднее количество лет, которое было потрачено в США на получение образования, выросло в 2 раза: с 3,9 лет в 1870 г. до 7,9 в 1913 г. Доля городского населения увеличилась с 14 % в 1850 г. до 42 % в 1910 г. [Гайдар 2005, с. 32–33]. Все это стало возможно благодаря колоссальному экономическому росту и индивидуальной свободе, которые царили в США.

Для экономического роста необходимо иметь гарантию прав собственности, низкие налоги, стабильные деньги (золотой стандарт) и отсутствие барьеров на пути предпринимателей. США тех дней были идеальной средой для того, чтобы продемонстрировать, на что способен капитализм *Laissez Faire*.

Великие предприниматели той эпохи создавали не только новые продукты во все большем количестве и по все более низким ценам, но и рабочие места, которые позволяли обычным рабочим значительно увеличить свои доходы и приобрести себе те блага, которые до этого были доступны только аристократии или даже недоступны никому.

Развивалась не только экономика — строилось все больше библиотек, больниц, мостов, открывались новые колледжи и университеты, театры и музеи. И все это делалось не за счет государства, а на основе добровольного сотрудничества.

Шесть трансконтинентальных железных дорог сделали США единым рынком, самой большой зоной свободной торговли. Предприниматель в Калифорнии мог продавать свой продукт во всех штатах именно благодаря бурному росту железных дорог. Представьте себе, что до это альтернативой поездкам были не самолеты или автомобили, а телеги, запряженные лошадьми. Скорость и дешевизна транспортировки объединили экономику США в единый хорошо работающий механизм.

Вандербильт построил первую железную дорогу, соединяющую Сан-Франциско с Нью-Йорком, он же построил Центральный вокзал в Нью-Йорке⁴. Сталь Карнеги дала возможность не только создать множество небоскребов, железных дорог и мостов, но и позволила ему потратить деньги на тысячи библиотек, Карнеги построил знаменитый Карнеги-холл в Нью-Йорке, на открытии которого выступал Чайковский. Рокфеллер не только обеспечил американцев дешевым керосином и бензином, но и вложил миллиарды долларов в благотворительность. Он же

⁴ В романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» рассказывается об основателе компании «Таггерт Трансконтинентал» Натаниэле Таггерте, прототипом которому послужил, видимо, Вандербильт: «Видное место в вестибюле [вокзала] занимала статуя основателя дороги Натаниэля Таггерта, не пользовавшаяся, впрочем, особым вниманием пассажиров. Лишь одна Дагни не могла равнодушно пройти мимо нее, не отдав дань уважения изваянию великого предка. Взгляд, брошенный на него по пути через вестибюль, был единственной известной Дагни разновидностью молитвы. Натаниэль Таггерт, авантюрист, без гроша в кармане явившийся из какого-то местечка Новой Англии, построил железную дорогу через континент в пору, когда появились первые стальные рельсы. Его дорога стояла по сию пору; битва за постройку ее превратилась в легенду, ибо люди предпочитали или не понимать ее значения, или попросту считать невозможной» [Рэнд 2016, с. 66].

«Человек этот никогда не признавал за другими права преграждать ему путь. Поставив себе цель, он неуклонно двигался к ней по пути, столь же прямому, как и железная дорога, уходящая за горизонт. Он никогда не пытался добиться от правительства никаких займов, ссуд, субсидий, земельных дотаций или законодательных льгот. Он брал деньги у тех, кто имел их, переходя от двери к двери — будь то выточенная из красного дерева дверь банкира или сколоченная из грубых досок дверь фермерского дома. Он никогда не брался толковать об общественном благе. Он просто говорил людям, что его железная дорога принесет им крупный доход, объяснял, откуда этот доход возьмется, и приводил аргументы. Веские аргументы» [Рэнд 2016, с. 67].

построил Рокфеллер-центр в Нью-Йорке. Леланд Стэнфорд был не только успешным предпринимателем (правда, больше в политической сфере), но и создал знаменитый на весь мир университет. Эндрю Меллон, успешный предприниматель в алюминиевой отрасли, способствовал появлению и развитию уникальной коллекции Национальной галереи искусств в Вашингтоне. Все эти люди создали свой бизнес, что называется, на пустом месте и были выходцами не из аристократии, а обычными иммигрантами, которые вряд ли могли бы реализовать свой талант где-либо в другой стране.

Каковы же результаты этой предпринимательской даже не активности, а гиперактивности?

В течение нескольких десятилетий после Гражданской войны и до конца XIX в. Америка испытала свою собственную промышленную революцию. В процессе индустриализации Соединенные Штаты превратились из преимущественно сельскохозяйственной в промышленно развитую страну [Rothbard 2017, p. 91].

Что касается реальной заработной платы, то средняя дневная заработная плата во всех отраслях промышленности выросла на 13 % с 1865 по 1891 г., тогда как стоимость жизни снизилась в среднем на 31 % за тот же период. Средняя среднесуточная реальная заработная плата (скорректированная на изменение цен) увеличилась на 64 % [Ibid., p. 92].

В США труд оплачивался в 2–4 раза дороже, чем в Европе [Кавтардзе 2005, с. 208]. Это привлекало огромное количество трудовых ресурсов из Европы. Тем более в Европе становилось все сложнее заниматься бизнесом, что являлось результатом огосударствления экономики, в частности, Бисмарком.

Удивительной была и ситуация с бюджетом. На протяжении трех десятилетий после Гражданской войны федеральное правительство стояло перед фискальной проблемой, в наши дни почти немислимой: хроническое превышение доходов бюджета над расходами [Хиггс 2010, с. 185].

Население США, составлявшее 5 млн в 1800 г., выросло до 31,4 млн человек в 1860 г. [Кавтардзе 2005, с. 178]. К 1860 г. валовый сбор хлопка в США увеличился в 700 раз, а его доля в экспорте достигла 57 % [там же, с. 179]. В 1862 г. было начато строительство первой трансконтинентальной железной дороги, которая соединила Нью-Йорк и Сан-Франциско. Экономика США во многом поднималась за счет иммиграции, импорта технологий и капитала. Уже в начале 1890-х действовало шесть трансконтинентальных железнодорожных линий [там же, с. 198].

В 1870 г. протяженность железных дорог составляла 85 тыс. км, в 1880 г. — 150,7 тыс. км, в 1890 г. — 268,4 тыс. км, в 1911 г. — 396,8 тыс. км. [там же, с. 199]. Численность населения — 76 млн человек в 1900 г. и 97 млн человек в 1914 г. [там же, с. 199].

Первый небоскреб «Аудиториум» был построен из стали Карнеги в Чикаго в 1886–1890 гг. [Севастьянов 1985, с. 505]. Не менее впечатляющим был мост через Миссисипи из стали Карнеги, который соединил запад и восток страны. Чтобы продемонстрировать людям, что мост их выдержит, использовали цирковую труппу со слоном. Когда по мосту прошел слон, публика поверила в надежность сооружения.

В 1887 г. впервые объем промышленного производства превзошел сельское хозяйство. Эта отрасль продолжила развиваться, но уступила лидирующие позиции промышленности [Кавтарадзе 2005, с. 200]. В 1910 г. промышленный район Северо-Востока (штат Нью-Йорк, Восточная Пенсильвания) давал 45 % промышленной продукции США (текстильная и пищевая промышленность, издательское дело, транспортное машиностроение, нефтяная промышленность). К западу от него, у Великих озер, добывалось 80 % железной руды, там же вырос новый промышленный район, в центре которого находилась сталелитейная промышленность города Питтсбурга. На Среднем Западе, в основном животноводческом районе США, в больших масштабах велась промышленная переработка мяса (Чикаго). Калифорния на Дальнем Западе стояла на первом месте по производству консервированных фруктов и овощей. Южные штаты поставляли около 40 % лесоматериалов [там же, с. 201]. В 1913 г. на долю США приходилось 38 % добываемого в мире каменного угля, 42 % мировой выплавки стали, более 60 % мировой добычи нефти.

Изобретатели и ученые вносили свой вклад в модернизацию Америки. В 1882 г. Эдисон построил первую электростанцию в США [там же, с. 202]. В 1894 г. совокупная стоимость промышленной продукции Соединенных Штатов превысила промышленное производство Англии и Германии, вместе взятых [там же, с. 202–203]. В 1876 г. на всемирной выставке в Филадельфии был представлен телефонный аппарат Белла, а чикагская выставка 1892 г. утвердила статус США — первой страны в техническом отношении [там же, с. 203]. Не менее впечатляющими были эксперименты Теслы. «Никогда еще стихийные силы не порождали такого прогресса» [Chambers 1980, p. V].

Морган создал в 1901 г. «ЮС Стил» из 12 крупнейших сталелитейных корпораций, которая вырабатывала свыше 65 % стальных рельсов и проволоки [Кавтарадзе, 2005, с. 206–207]. В 1900 г. Морган приобрел

«Американ телефон и телеграф» [там же, с. 207]. Ядром группы Моргана был «Ферст нэшнл банк» с капиталом 1 млрд долл. в 1911 г. [там же, с. 208]. Вандербильт и Гарриман в этот период активно развивали железные дороги, Дюпон — химическую промышленность, Меллон — алюминиевую промышленность, Инсулла — электротехнику [там же, с. 208]. Несмотря на увеличения масштабов производства крупного бизнеса, средняя занятость в США в 1914 г. была всего 25 человек на одно предприятие [там же, с. 208]. Высокая стоимость труда стимулировала трудосберегающие инновации: сеялки, веялки, трактора (продукция братьев Дир). США начинают активно осваивать новые рынки: растет экспорт в Европу велосипедов, швейных машин, сельскохозяйственной продукции — всего на 1,5 млрд долл. 60 % экспорта из США отправляется в Европу [там же, с. 209].

В денежно-кредитной сфере тоже было все не так, как сейчас. В США отсутствовал Центральный банк, эмиссионным правом пользовались 8000 национальных банков до 1913 г., отсутствовал подоходный налог с прогрессивной шкалой. Не было в США и рынка государственных ценных бумаг, правительство почти не прибегало к заимствованию. Хотя дважды пытались ввести подоходный налог в 1861 и 1894 гг., но суд дважды признавал его неконституционным. Он был введен 3 октября 1913 г. с необлагаемым минимумом в 3 тыс. долл. годового дохода, основная ставка составляла 1 %, предельная ставка достигала 7 %. 23 декабря был создан Центральный банк США [там же, с. 211].

С 1870 по 1900 гг. производство чугуна увеличилось в 8 раз, добыча угля — в 10 раз, выплавка стали — в 150 раз, стоимость произведенной продукции выросла более чем в 3 раза. Утроилась численность промышленных рабочих [Севастьянов 1985, с. 11]. В 1892 г. Форд сконструировал свой первый автомобиль, но уже в 1900 г. он выпускал ежегодно 4000 автомобилей [там же, с. 15].

Поток иммигрантов из Европы нарастал. В 1870 г. в США прибыло 387 тыс. человек, в 1882 г. — 800 тыс. Всего за 1870–1900 гг. — 14 млн человек. Население США выросло в XIX в. в 14 раз, в то время как в Европе — только в 2 раза [там же, с. 12]. Население 20 наиболее крупных городов увеличилось с 1870 по 1900 г. на 286 %. США активно привлекали международный капитал. Так, в рассматриваемый период было привлечено капитала на 3,4 млрд долл. [там же, с. 14].

Производство цемента увеличилось с 17 231 150 до 92 994 102 [Леви 1923, с. 15–16]. Число предприятий в 1899 г. — 207 514, а в 1914 г. — 275 791 [там же, с. 71].

В 1873 г. в Европе начался экономический кризис, в США наблюдалось замедление деловой активности в 1873–1878 гг. Поэтому некоторые ортодоксальные американские историки экономики привыкли говорить о «великой депрессии» 1873–1879 гг.⁵ [Ротбард 2009, с. 157]. Считается, что депрессия 1873 г. длилась пять лет — с 1873 по 1878 г. [Севастьянов 1985, с. 16].

«Великая депрессия» 1870-х — на самом деле просто миф. Рост валового продукта в 1869–1879 гг. страны в текущих ценах составил 3 % в год, в неизменных ценах — 6,8 %, на душу населения рост составил 4,5 % в год [Ротбард 2009, с. 157]. Производительность труда выросла с 1879 по 1889 г. на 26,5 % — один из лучших показателей за всю историю страны [там же, с. 168].

Как показали Милтон Фридман и Анна Шварц в книге «Монетарная история Соединенных Штатов: 1867–1960», кризиса 1873 г. как такового в США не было, реальные доходы продолжили свой рост в период 1873–1878 гг.⁶ [Фридман, Шварц 2007, с. 26]. Кстати, в январе 1875 г. был принят закон о возврате к золотому стандарту [Ротбард 2009, с. 154]. Следует считать события 1873 г. финансовой паникой, которая была следствием кредитной экспансии, вызванной гражданской войной, разорился крупный банк “JayCook&Co”, но спада реальных доходов не произошло [Уэрта де Сото 2008, с. 365].

Что касается кризиса 1893 г., то он также был вызван ростом денежной массы (денежные средства в казначействе увеличились с 210 млн долл. в 1879 г. до 308 млн долл. в 1888 г. [Фридман 2007, с. 120]. Его глубина также переоценивается. С 1891 по 1897 г. средние темпы роста реального национального продукта составили 3 % [там же, с. 94]. Реальный доход вернулся к докризисному уровню уже в 1895 г. [там же, с. 91]. Причину глубины кризиса следует искать в бегстве от доллара, которое происходило в процессе борьбы представителя популистского крыла демократической партии Уильяма Дженнингса Брайана за отмену золотого стандарта [там же, с. 99].

Кризисы в XIX в. характеризовались меньшей длительностью и быстрой подстройкой структуры производства под новые условия, так как

⁵ Следует отметить, что финансовые паники 1873, 1884, 1893 и 1907 гг. в значительной степени представляли собой следствие расширения резервной базы и кредита банками резервных городов и центральных резервных городов [Ротбард 2009, с. 156].

⁶ Глубокий кризис был в Германии, где в это время создавались государство всеобщего благосостояния и Центральный банк.

тогда государство не мешало процессу быстрой адаптации за счет регулирования цен, заработных плат и объемов производства. На пике кризиса 1893 г. безработица доходила до 8–10 %, это несопоставимо с почти 25 % Великой депрессии 1929–1945 гг. Да и по длительности кризисы оценивались в несколько лет, а Великая депрессия растянулась на 16 лет. Кризисы 1893 и 1907 гг. были вызваны кредитной экспансией в условиях частичного резервирования, но протекали они не так болезненно, как кризисы, которые в XX в. пытались купировать за счет кейнсианских рецептов.

После кризиса 1893 г. наблюдается новый экономический рывок⁷.

В конце 1890-х гг. в экономике начался один из самых энергичных взлетов. Средний рост реального ВВП на душу населения в 1898–1902 гг. оценивается в 4 % в год. В 1898–1912 гг. реальный ВВП на душу увеличивался в среднем на 2,5 % в год. Реальный душевой ВВП в 1916 г. был на 46 % выше, чем в 1898 г. Если судить только по этому показателю, экономика работала превосходно [Хиггс 2010, с. 199].

Инвестиции выросли с 0,4 млрд. долл. в 1879 г. до 2,0 млрд долл. в 1890 г. Прирост капитала составил рекордные 500 % [Ротбард 2009, с. 168].

Промышленная революция в США изменила мир даже в большей степени, чем промышленная революция в Англии [Манту 1937, с. 150–289]. Впервые простой человек смог получить не только шанс преуспеть, несмотря на свое происхождение и образование, но и получал все больший доход как работник и больше разнообразных и дешевых благ как потребитель. Государство не вмешивалось в экономику, и свобода предпринимательства была неограниченной (за исключением внешней торговли)⁸. Период с 1870 по 1900 г. может быть по праву назван эрой либертарианства (см. *табл. 1*).

⁷ Джон Рокфеллер в своих мемуарах пишет, что хотел в 50 лет отойти от дел, но, так как в 1893 г. начался кризис, вынужден был отказаться от своих планов. Однако уже в 1895 г. его мечта была реализована. То есть всего два года потребовалось, чтобы восстановить положение дел. Хотя Рокфеллер продолжал влиять на деятельность своих компаний, но как президент и как акционер. Прожил он 97 лет и умер в 1937 г., когда разразился «кризис внутри кризиса», вызванный политикой Франклина Рузвельта.

⁸ В 1870 г. средний процент пошлин к стоимости импорта составлял 47,08 %, в 1894 г. — 50 %, в 1899 г. — 52,7 % [Кондратьев 1926, с. 218]. Традиция протекционизма в США восходит к министру финансов США Александру Гамильтону [Тра-

Таблица 1. Результаты Позолоченного века в США

Показатель	1870 г.	1900 г.
Численность населения	39 818 000	75 994 000
Объем производства (обрабатывающая промышленность)	1 905 млн долл.	13 580 млн долл.
Реальная заработная плата	Увеличение на 64 %	
Цены ⁹	Снижение на 31 %	
Сталь	0,07 млн тонн	10,64 млн тонн
Цена стали (долл. за тонну)	160	17
Нефть	22,1 млн галлонов	2397 млн галлонов
Потребление хлопка (1 кип = 500 фунтов)	797 тыс. кип	3632 тыс. кип

К сожалению, американцы тогда, видимо, не знали русскую поговорку «От добра добра не ищут». Казалось, что достижения капитализма гарантированы и пришло время поэкспериментировать с чем-то еще более замечательным. Никто не догадывался о той цене, которую придется заплатить за эти эксперименты.

Люди, построившие Америку

Их называли «баронами-разбойниками», их ненавидели интеллектуалы, их боялись конкуренты, но без них не было бы той Америки, которую мы знаем.

Сам термин «бароны-разбойники» родился в Европе для описания явления, при котором некоторые землевладельцы (бароны) протягивали

вин 2011, с. 111–125], пример которого вдохновил Фридриха Листа на разработку своей теории протекционизма. Америка настолько разная, что в ней есть все, в том числе протекционизм. Статистика показывает, что пошлины находились в США в XIX в. примерно на одном и том же уровне, так что рынок 1870–1900 гг. невозможно объяснить высокими пошлинами. Причина была в предпринимательской активности сталелитейщиков, таких как Карнеги. Они нашли способ увеличить производство стали с 0,07 млн тонн в 1870 г. до 31,3 млн тонн в 1910 г. [Кондратьев 1926, с. 226] Средний уровень пошлин не сильно менялся, а вот конкретные товары характеризовались разными пошлинами, что было вызвано лоббистскими возможностями разных групп. Так, в свое время синдикат производителей перламутровых пуговиц добился пошлин в 1400 % [Самнер 2002, с. 7].

⁹ Позолоченный век является эмпирическим доказательством того, что дефляцию не следует считать проблемой для экономического роста.

канаты через Рейн и брали плату с каждого проплывающего судна [Folsom 2010, p. 186]. Они ничего не создавали, но при этом получали доход за счет путешественников. По аналогии «баронами-разбойниками» стали называть предпринимателей Позолоченного века: Рокфеллера, Вандербильта, Карнеги, Моргана. Общественность была убеждена, что они действуют так же, как «бароны-разбойники» в Германии, паразитируют на населении, ничего не создавая в обмен.

Конечно же, во все времена — и Позолоченный век не исключение — есть те, кто живет на политическую ренту (за счет политического предпринимательства или блата). Но наравне с ними было и есть множество предпринимателей, создающих новые продукты, технологии, внедряющие новые изобретения в массовое производство, что делает нашу жизнь гораздо комфортнее. Необходимо отделять тех, кто «пилит бюджет», от тех, кто «создает новые комбинации», порождающие шумпетерианский процесс «созидательного разрушения» [Усанов 2018, с. 156–159].

Когда Вандербильт создавал свою компанию, занимающуюся железнодорожными перевозками, основным средством передвижения в США была телега — многие месяцы требовались, чтобы добраться до нужного места. Но для строительства железных дорог нужна сталь, которую США импортировали и которая была безумно дорогой. Шотландский предприниматель Эндрю Карнеги увидел способ производства стали, сделавший возможным покрытие всей территории США железными дорогами. США из импортера превратились в крупнейшего производителя в мире. Сталь стала очень дешевой¹⁰ [Johnson 1997, p. 552], что позволило направить ее излишки на строительство небоскребов и мостов. Чтобы могла существовать промышленность, необходимо иметь нефть, которую научился добывать и перерабатывать в огромных количествах Рокфеллер. Его нефтеперерабатывающие заводы производили керосин, позволивший обеспечить дешевым источником освещения всю Америку, и бензин, потребовавшийся автомобильной промышленности. Морган вкладывал свои капиталы в изобретения Эдисона, заменившего газовое освещение электрическим. Братья Дир изобрели множество устройств для сельского хозяйства. Их сеялки, веялки, комбайны и трактора продавались по всей Америке за счет того, что Вандербильт построил железные дороги. Качество и количество пищи, в том числе мяса, привели к тому, что значительно возрос средний вес и рост американца. Люди стали больше путеше-

¹⁰ В 1875 г. сталь стоила 160 долл. за тонну, а в 1898 г. почти в 10 раз меньше — 17 долл. за тонну [Johnson 1997, p. 552].

ствовать, лучше одеваться, покупать себе новое жилье, пользоваться банковскими услугами. Благодаря Форду автомобиль из предмета роскоши превратился в доступный для среднего американца продукт. Рост доходов позволил людям тратить деньги на обучение, заграничные поездки, посещение театра и кино. Адольфус Буш создал первый международный бренд пива, Чарльз Шваб обеспечил рост «ЮС Стил» и продолжил дело Эндрю Карнеги. Его достижения воодушевили известного американского писателя Дейла Карнеги на написание книг об успехе, где часто упоминается Шваб и его принципы ведения бизнеса.

Все эти люди сделали Америку самой богатой страной мира, а их называли «баронами-разбойниками»! Что общего между средневековыми баронами, собиравшими дань с путешественников, и людьми, организовавшими миллионы рабочих мест и создавшими на пустом месте целые отрасли, которые вывели США в мировые лидеры?!

К сожалению, общественное мнение было тогда не на стороне предпринимателей. Их обвинили в жадности, в эксплуатации рабочих, в том, что они создают монополии и подкупают конгрессменов, в том, что их безудержная алчность порождает несчастные случаи на заводах и кризисы с безработицей в экономике. Общество было убеждено: главные враги — «бароны-разбойники».

Народ против Джона Рокфеллера

Пожалуй, самым показательным было дело «Народ Соединенных Штатов Америки против компании “Стандарт Ойл”» 1911 г., которое привело к разделению компании Дж. Рокфеллера в соответствии с антимонопольным законом Шермана 1890 г. на 34 более мелкие компании. Рокфеллер для большинства был подобен монарху, которому все подчинены, и борьба с ним была олицетворением борьбы с монополиями [May 1964, p. 17].

В 1870-е гг. получают развитие пулы и тресты, особенно «Стандарт Ойл» [Кавтарадзе 2005, с. 203]. Доля компании Рокфеллера постепенно увеличивается до 95 %. Появляются тресты в сахарной, табачной, водочной и бумажной отраслях. Как реакция на этот процесс принимается антимонопольный закон Шермана 2 июля 1890 г.¹¹ [там же, с. 204].

¹¹ Айн Рэнд: «Если бы меня попросили выбрать дату, которая знаменует роковой поворот на дороге, ведущую к окончательной гибели американской промыш-

Принято считать, что «таможенный тариф порождает тресты» [Леви 1923, с. 80]. Отчасти это так. Если государство устанавливает высокие пошлины на импортные товары, оно защищает производителей от появления новых игроков на рынке и тем самым стимулирует создание трестов. Однако есть и объективные причины создания трестов. Чтобы можно было в максимальной степени использовать эффект масштаба, необходимо объединение крупных капиталов¹².

Первый иск по обвинению в нарушении закона Шермана был подан в 1893 г. против “American Sugar Refining Company”. Правда, суд в доказательствах не усматривал намерения ограничить торговлю или коммерческие отношения [Арментано 2005, с. 88]. Тем более что независимо от решения суда рыночные силы уничтожили близкое к положению монополии положение «Сахарного треста». Его доля на рынке снизилась с 95 % в 1893 г. до 25,06 % в 1927 г. Розничная цена сахара-рафинада уменьшилась с 9 центов за фунт в 1880 г. до 5,3 цента в 1895 г. [там же, с. 87–89].

Еще одним примером борьбы с монополиями был иск против железнодорожных компаний, которые желали объединиться в одну. Создание компании “Northern Securities”, объединяющей две компании, владеющие железными дорогами, не привело к росту тарифов, — напротив, они продолжали снижаться в 1901–1903 гг., то есть вплоть до иска [там же, с. 95].

Но, конечно же, самым резонансным антимонопольным разбирательством стало дело против «Стандарт Ойл».

Начало современной нефтеперерабатывающей промышленности было положено в 1846 г., когда канадский геолог доктор Абрахам Геснер обнаружил, что жидкое топливо можно получать из угля, а керосиновую фракцию отделять и использовать для освещения. В тот период цены в 20 долл. за баррель сырой нефти быстро упали до 10 центов в 1862 г. К 1865 г. 80 нефтеперерабатывающих заводов производили из сырой нефти керосин и сопутствующие продукты, а небо над Питтсбургом затянуло дымом [там же, с. 96–99].

В возрасте 23 лет молодой предприниматель Джон Рокфеллер рискнул вложить 4000 долл. в спекулятивную сделку с нефтеперерабатываю-

ленности, а также самый позорный законодательный акт, я выбрала бы 1890 год и Закон Шермана» [Рэнд 2003, с. 130].

¹² Николай Кондратьев отмечал, что тресты способствовали также быстрой реакции на кризис 1903 г. За счет вертикальной интеграции легче переместить ресурсы в проблемные области и обеспечить их капиталом [Кондратьев 1926, с. 253–254]. Видимо, это верно и в отношении других кризисов.

щим заводом в Кливленде. А в 31 год — стал самым крупным владельцем нефтеперерабатывающего завода в мире [Черноу 1999, с. 133].

Компания Рокфеллера, Эндрюса и Флегеля продемонстрировала непревзойденную эффективность. Они производили собственную серную кислоту, бочки, пиломатериалы, вагоны и клей. И вели точный учет всего — от заклепок до бочек. Рядом с заводами они создали сложную систему нефтехранилищ. Компания Рокфеллера выпускала самый чистый керосин и сумела сделать прибыльной продажу большей части остатков нефтеперегонки в виде мазута, твердого парафина и вазелина [Арментано 2005, с. 100]. Рокфеллер увеличивал объем производства, когда другие вели более осторожную политику, и к 1870-м его нефтеперерабатывающий завод был одним из самых крупных в стране.

В 1870 г. доля Рокфеллера не превышала 4 %, а количество независимых нефтеперерабатывающих компаний достигало 250, к 1880 г. общая доля компании оказалась на уровне 80–85 %, а число независимых нефтеперерабатывающих заводов снизилось до 80–100. Рокфеллер купил 21 из 26 компаний-конкурентов из Кливленда [там же, с. 101].

Тем не менее, цены на керосин упали с 30 центов за галлон в 1869 г. до 10 центов в 1874 г. [там же, с. 102]. Рокфеллер активно скупал предприятия конкурентов. Во многих случаях приобретенные компании оказывались настолько неэффективными, что были в дальнейшем закрыты. Считается, что инициатива исходила от «Стандарт Ойл», но это далеко не всегда было так.

Вполне типичной является история Джорджа Риса. В 1882 г. взятками и шантажом Рис пытался заставить «Стандарт Ойл» заплатить 250 000 долл. за нефтеперерабатывающий завод, который он предлагал ей в 1876 г. за 24 000 долл. В 1890 г. он запросил за него 500 000 долл. [там же, с. 103].

«Стандарт Ойл» активно инвестировала средства в разработку более эффективных методов производства, чем конкуренты. Компания Рокфеллера вложила 200 000 долл. в научные исследования Германа Фраша, что позволило ей эффективно использовать сырье, создало основу для технологических инноваций и экономии от масштаба [там же, с. 103].

Высокоэффективное производство означало цистерны, трубопроводы, источники сырья, дешевые бочки, огромные хранилища и возможности для экспорта. Во все это активно инвестировала компания Рокфеллера, а конкуренты — нет [там же, с. 103].

В период 1870–1885 гг. цена на керосин упала с 26 центов за галлон до 8 центов. Средние издержки за тот же период сократились с 3 центов до 0,452 цента [там же, с. 104]. Когда началось разбирательство, Рокфеллера обвинили в «хищническом ценообразовании», которое якобы использовалось для разорения конкурентов с последующим увеличением цены продукта и прибылей. Компанию Рокфеллера фактически обвиняли в демпинге, хотя существуют причины, по которым нельзя считать политику ценообразования Рокфеллера хищнической, равно как и нельзя считать снижение цен преступлением:

1. Демпинг приводит к большим потерям выручки и не гарантирует их роста в будущем. 2. Неизвестно, сколько именно потребуется времени, чтобы на рынке не осталось игроков. 3. Конкуренты могут закрыться и ждать, пока цены вернуться на прибыльный уровень или же обанкротившиеся компании может купить новый собственник. 4. Это приводит «хищника» к потерям на смежных рынках, так как ценовые войны коснутся и их. 5. Такую политику может себе позволить только тот, кто уже является лидером на рынке. У новичка нет для этого достаточного капитала [там же, с. 109].

Компанию обвиняли в том, что она стала монополистом и ее доля все время растет. Но это не так. Доля компании снизилась с 88 % в 1879 г. до 82 % в 1895 г. Стоимость галлона переработанной нефти в бочках уменьшилась с 9,33 цента в 1890 г. до 5,91 цента в 1897 г. [там же, с. 111–112]. Не очень похоже на политику «монополиста».

В кульминационный момент якобы имевшего места контроля «Стандарт Ойл» над рынком издержки и цены достигли самого низкого уровня за всю историю нефтяной промышленности [там же, с. 112].

С 1890 по 1897 г. компания увеличила производство керосина на 74 %, смазочного масла на 82 %, твердых углеводородов на 84 % [там же, с. 112]. Доля «Стандарт Ойл» уменьшилась с 88 % в 1890 г. до 64 % в 1911 г. Объем производства нефтепродуктов вырос с 39 млн баррелей в 1892 г. до 99 млн баррелей в 1911 г. [там же, с. 115].

Следовало поставить вопрос: нанесли ли действия компании вред потребителям? Действительно ли компания повышала цены, ограничивала производство, подавляла технический прогресс, выпускала низкокачественную продукцию, вытесняла с рынка конкурентов хищническими методами? В деле «Стандарт Ойл» эти вопросы даже не ставились [там же, с. 121].

Официально обвинение в адрес «Стандарт Ойл» звучало так: «Концентрация активов и широких возможностей для контроля... была на-

правлена на уничтожение потенциальной конкуренции, которая бы в противном случае имела бы место» [там же, с. 122]. При такой формулировке любой производитель может быть обвинен в нарушении закона, так как любое решение об изменении цены продукта, его характеристики и рынка сбыта может быть «направлено на уничтожение потенциальной конкуренции, которая бы в противном случае имела бы место».

Рокфеллер долго скрывался, путешествуя по Америке, чтобы ему не могли вручить повестку в суд. Но в том году должен был родиться его первый внук, он не мог пропустить это событие и решил быть со своей семьей. Этим воспользовались, чтобы вручить ему повестку.

В заключительной речи Рокфеллер не признал своей вины, заявив, что не считает себя монополистом, благодаря его компании возникла целая отрасль, которой до этого не было, и что никто не обвинял его, когда он создавал новые рабочие места. А иначе вести дело в США, не скупая заводы конкурентов, было невозможно. В конце речи Рокфеллер задал вопрос судьбе: если он столько сделал для страны, то почему находится на скамье подсудимых?

Суд вынес обвинительный приговор. Решение не привело к падению цен на нефть, цены, напротив, выросли¹³.

Общественно-политические идеи в США в начале XX века

Отличие данной эпохи от тех, которые ей непосредственно предшествовали, состоит в отсутствии либеральной интеллигенции. Поклонение жестокой власти под самыми разными обличиями стало универсальной религией.

Джордж Оруэлл

Идеологический климат в начале XX в. в США можно изобразить в виде следующей таблицы (табл. 2). Все более или менее значимые школы экономической мысли, оказывавшие влияние на общественно-политический климат США, можно разделить на пять групп.

¹³ Все ведущие экономисты той эпохи поддерживали борьбу с монополиями [Бергин 2017, с. 51]. Современные экономисты Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон также считают, что прогрессисты позволили узнать обществу об истинных злоупотреблениях «баронов-разбойников» и обуздать тресты [Аджемоглу, Робинсон 2015, с. 435].

Таблица 2. Идеологические направления в США в начале XX в.

Идеологическое направление	Представители	Экономические идеи
Философский анархизм	Бенджамен Такер, Эзра Хейвуд, Джосайя Уоррен, Колонел Грин	Против таможенных пошлин, против государственного регулирования. Против прибыли, процента и ренты. За применение трудовой теории ценности (стоимости) в вознаграждении труда.
Американский маржинализм	Джон Бейтс Кларк, Фрэнк Найт ¹⁴ , Ирвинг Фишер	Рынок регулируется спросом и предложением, но на рынке труда переговорная сила у капиталистов, поэтому, когда закончится фронтир (в 1890 г. он закончился), необходимы сильные профсоюзы и государственное вмешательство в рынок труда. Капитализм не решает социальные проблемы, разрушает культуру и этику.
Историческая школа	Ричард Элай, Эдвин Селигмен	На смену неэффективному рынку должен прийти подход социального инженера, который будет предсказывать будущее и руководить экономикой ¹⁵ .
Движение за единый налог	Генри Джордж	Капитализм порождает несправедливый рентный доход, нужно его изъять и правильно распределить.
Институционализм	Торстейн Веблен, Джон Коммонс	Капитализм порождает «демонстративное потребление» и замену созидательной деятельности инженеров бесполезной деятельностью финансистов.

¹⁴ Фрэнк Найт, один из наиболее известных сторонников свободного рынка, писал: «Экономический человек — существо эгоистичное и безжалостное, подлежащее моральному осуждению... При социальном порядке, где все ценности сведены к денежному измерению... значительное количество благородных и тонко чувствующих натур обречены вести несчастную и даже бесполезную жизнь» [Найт 2009, с. 92, 141]. Он также полагал, что развитие капитализма противоречит культурному прогрессу.

¹⁵ В конце XIX — начале XX в. ведущее место занимала Висконсинская школа (Джон Коммонс), она отстаивала тезис об исключительности развития американского капитализма. Следствием высокой мобильности, свободных земель и притока мигрантов было утверждение об отсутствии антагонистических отношений между пролетариатом и буржуазией, наподобие европейского. Висконсинцы уделяли особое внимание Американской федерации труда и тред-юнионам [Севастьянов 1985, с. 546].

1. *Философский анархизм*. Представители этого направления были активными противниками любого вида государственного регулирования. Многие их требования по государственному невмешательству можно считать либертарианскими. При этом их экономическая программа включала отмену денег, процента, прибылей и ренты. В основу анализа даже самый прокапиталистический из философских анархистов Такер клал трудовую теорию ценности Маркса (правда, отрешиваясь от него за его «еврейство»). По существу, они были продолжателями дела Бакунина и Прудона в США. В итоге они боролись и против государства, и против капитализма¹⁶.

2. *Американский маржинализм*. Джон Бейтс Кларк по праву считается первым американским экономистом, он независимо от Менгера, Вальраса и Джевонс открыл принцип предельной полезности. Однако в своих взглядах на экономическую политику унаследовал взгляды своего учителя из Гейдельберга Карла Книсса, виднейшего представителя исторической школы. Он принимал принцип рыночного равновесия, но считал, что на рынке труда тот не работает, так как сила на стороне нанимателя, а не рабочего. Однако в Америке это не создает проблем между трудом и капиталом, как в Европе, так как существует возможность уехать на запад и начать работать не на капиталиста, а на самого себя [Шпотов 1990, с. 36]. Эта ситуация сохранится до тех пор, пока будет фронтир. Когда он закон-

¹⁶ Анархизм был в согласии с преобладающими настроениями деловых людей по сравнению с другой радикальной группой — социалистами. Последние были более разнородной группой, некоторые из них являлись и анархистами [Dorfman 1949, p. 42]. Одна из групп радикалов стояла за ненасильственное взаимодействие и называлась движением «философских анархистов». Его лидеры были в основном выходцами из благополучных семей Новой Англии и Нью-Йорка и имели хорошее образование, а часто и значительное богатство. Движение зародилось перед Гражданской войной под руководством Джосаи Уоррена. Концепция Уоррена была основана на упразднении всех принудительных полномочий государства и признании полного «суверенитета личности», полной индивидуальной ответственности во всех отношениях. Что касается экономической политики, то Уоррен утверждал, что необходимо обеспечить полную свободу для реализации благотворного принципа свободной конкуренции. Каждый отдельный производитель получит цену за свой продукт, эквивалентный времени и другим жертвам; тогда будет действовать справедливый принцип обмена, ограниченный «стоимостью». Степень удовольствия и страдания (или «чистого страдания») будет мерой и пределом цены. Поскольку требуется равновесие, компенсация за каждое занятие будет скорректирована с учетом относительного количества и неприятности занятия, в результате не будет предпочтения к тому или иному конкретному виду труда [Ibid., p. 35–36].

чится, придется перейти к европейским методам борьбы с капиталом за счет профсоюзов и государства. Таким образом, Кларк считал прогрессивную политику неизбежной и желательной, но после 1890 г. Надо лишь подождать¹⁷. Экономист Чарльз Конант в 1898 г. считал, что США следует перенять грандиозные достижения царской России в деле централизации власти и политики [Ротбард 2009, с. 217]. Лидер американского маржинализма Кларк в рецензии 1901 г. одобрил планы Конанта [там же, с. 220].

3. *Историческая школа*. Ричард Элай и Эдвин Селигмен смотрели на общество как на организм вслед за исторической школой в Германии [Селигмен 1968, с. 414]. Биологические аналогии приводили их к выводу, что социальный организм США развился в достаточной степени, чтобы отказаться от принципов свободной конкуренции и перейти к централизованному управлению. Нужно лишь дождаться вождя, который возьмет на себя ответственность за невиданный эксперимент по централизации власти. Они также поддерживали забастовки, борьбу с капиталом, видя себя социальными инженерами, которые будут управлять обществом. Влияние этой группы было колоссальным, так Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон были не только знакомы с этими экономистами, но и признавали их своими учителями. На этих экономистов США оказали влияние представители германской исторической школы в политэкономии, особенно ее второе поколение — Густав Шмоллер, Адольф Вагнер, Луйо Брентано [Севастьянов 1985, с. 43]. В основном сторонниками планирования были представители социального евангелизма. В университетах Германии им вложили в головы принципы этатизма и органического социализма, научили ценить гармонию «среднего пути» [Ротбард 2009, с. 189]. Селигмен пророчил, что в XX в. профессиональные знания дадут экономистам возможность контролировать и формировать материальные силы прогресса. Когда экономист докажет, что в состоянии точно предвидеть будущее, его возвеличат как реального философа общественной жизни и публика будет с почтением внимать его высказываниям [там же, с. 220]. Американская экономическая ассоциация, которую создали экономисты-прогрессисты, «позволит показать властвующей элите, что новая наука об обществе может служить интересам тех, кто сделал империализм политикой страны, в качестве инструмента подготовки технических решений насущных фискальных проблем колоний, а также дать идеологическое обоснование приобретения колоний» [там же, с. 222].

¹⁷ Работа Кларка 1879 г. называлась “The Nature and Progress of True Socialism” [Clark 1879].

4. *Движение за единый налог.* Генри Джордж, как и философские анархисты, был против тарифов. Он был убежден, что государство не должно вмешиваться в промышленность, а вот земельные ресурсы должны быть под пристальным вниманием государства. Необходимо заменить множество налогов одним — налогом на землю. Так как производство всех товаров подразумевает использование фактора производства — земли, то такой налог также ложится бременем на промышленность и потребителя. Джордж и его книга «Прогресс и бедность» произвели сенсацию в Европе. Когда зять Маркса приехал в США распространять идеи научного социализма, он был настолько очарован Джорджем, что вернулся в Европу, проповедуя его учение [Голдберг 2012, с. 101–102]. Действительно, идеи Джорджа пользовались огромной популярностью, поэтому джорджисты, несомненно, повлияли на общественно-политический климат США того времени. Конечно же, капитализм в том виде, в каком он был в Позолоченный век, их не устраивал. Они ждали перемен.

5. *Институционализм.* Торстейн Веблен и его сторонники видели проблему капитализма в том, что он вырождается в неограниченную власть «финансистов», вместо того чтобы предоставить власть «инженерам». Акции, биржи, процент, финансовые инструменты лишь все запутывают. Такой капитализм нужно заменить технократическим регулированием. Джон Коммонс и другие институционалисты также были не в восторге от капитализма и стояли на позициях исторической школы, отрицающей «абстрактную экономическую теорию английской школы».

Как мы видим, все пять групп были едины в неприятии капитализма и в желании заменить его более «рациональной» системой. Никто не предлагал сохранить принципы *Laissez Faire*.

Несомненно, политики, как и избиратели, не способны сформировать последовательную идеологию, у них нет на это времени, да и желания. И значит, этим занимаются интеллектуалы — именно они предлагают политикам инструменты для решения насущных проблем.

Можно представить себе данный процесс следующим образом. В «цилиндр» бросают свои «бумажки» (идеологические программы) интеллектуалы. Политики, когда им приходится делать выбор, как реагировать на тот или иной вызов (кризис), случайным образом выбирают идеологию из «цилиндра». Если идея работает, то они ее продолжают использовать; если нет — снова запускают руку в «цилиндр». В начале XX в. в США все основные школы экономической мысли сходились на том, что капитализм нужно чем-то заменить. Прогрессисты спорили: следует сделать акцент на социальном планировании или на национа-

лизме и милитаризме. Других вариантов никто не предлагал. В «цилиндре» были только антикапиталистические и антилиберальные проекты.

Прогрессизм начала XX в. разделялся на несколько течений. На одной стороне были люди, подобные Джону Дьюи и Джейн Адамс, которые придерживались в большей степени социалистического и академического подхода в политике. Другую сторону занимали националисты, более явно склонявшиеся к патриотизму и милитаризму. Одни из них сосредоточились на социальных реформах, тогда как других в большей степени занимало «величие» США [Голдберг 2012, с. 98].

Позже прогрессистов стал вдохновлять опыт СССР. Так, экономист Стюарт Чейз писал после посещения России в 1927 г.:

В отличие от Америки, где решения в области экономики принимали «голодные акционеры», в Советском Союзе во главе было заботящееся обо всех государство, получавшее «информацию от статистических батальонов» и героическую поддержку от чиновников Коммунистической партии, которым не требовалось «иных стимулов», кроме страстного желания, которое пылает в груди каждого настоящего коммуниста, создать новое небо и новую землю [там же, с. 110].

Два ведущих экономиста «Нового курса» Рексфорд Гай Тагуэлл и Пол Дуглас с благоговейным трепетом высказывались о советском эксперименте [там же, с. 110].

Все ведущие экономисты бросали в «цилиндр» одинаковые программы и требовали расширения власти государства. Последующие 50 лет политики США наугад меняли одну неработающую модель на другую, пока не возникла либертарианская альтернатива, впервые частично опробованная в 1948 г. в Германии Людвигом Эрхардом.

Выборы, изменившие все: 1896 год

До 1896 г. политическая система США была совершенно иной по сравнению с той, какой она стала на выборах 1896 г. и существует до сих пор. Сейчас мы имеем фактически две центристские партии, где республиканцы — за большой бизнес, а демократы — против капитализма. В XIX в. демократическая партия была, по сути, либертарианской, а республиканская ратовала за разного рода ограничения. Поэтому очень важно рассмотреть выборы, которые все изменили.

Хотя на выборах победил республиканец Уильям Мак-Кинли, сама альтернатива изменилась. Считается, что перемены в устройстве политической системы США связаны с притоком мигрантов, которые не разделяли религиозных ценностей первых поселенцев, мечтавших построить Град на холме, а хотели лишь получать от государства поддержку. В действительности, новые мигранты были вовсе не сторонниками государственного регулирования и борцами с капитализмом. Электорат демократической партии, которая в то время была противницей этатизма, в основном состоял из католиков, а именно в этот период их прибывало из Германии очень много. Они хотели делать карьеру и зарабатывать деньги, понимая, что им для этого нужно не то, откуда они бежали (Бисмарковская огосударствленная экономика). Они не мечтали о революции. Они мечтали о хорошо оплачиваемой работе и своем деле¹⁸.

Скорее, объяснение в том, что сами церкви претерпели изменения: протестанты вначале были против государства¹⁹, но поддерживали разного рода ограничения, связанные с индивидуальным выбором, признавая вслед за Лютером, что человек греховен и роль государства в том, чтобы исправлять нашу греховность.

Филипп Меланхтон, опираясь на учение Лютера, считал, что «властям надлежит карать алчность, праздность, шегольство и прочие проявления безнравственности» [Берман 2008, с. 181]. Эта идея была очень популярна среди пиетистов и пуритан, которые ратовали за государственное вмешательство. Так, если для католиков выпить кружку пива в воскресенье было хорошей традицией, то для пуритан и пиетистов это считалось двойным грехом: употребление алкоголя и торговля в воскресный день. Протестанты являлись сторонниками законодательного ограничения торговли и употребления алкоголя. Католики были противниками этих ограничений.

Так получилось, что Уильям Дженнингс Брайн (обещавший бороться с капиталистами и монополиями и отказаться от стабильных денег

¹⁸ «В страну прибывало [в конце XIX в.] все больше католиков и лютеран особенно из Германии и Ирландии. Эти церкви относились к государству и морали в стиле *Laissez Faire*. Все они голосовали за демократическую партию» [Ротбард 2009, с. 177–178].

¹⁹ Опрос 1934 г. показал, что только 5 % пасторов были за капитализм, а за социализм в чистом виде — 28 %. Среди методистов таких насчитывалось 34 %. Остальные были за нечто среднее [Фурман 1981, с. 207].

и золотого стандарта²⁰) и его пиетистская коалиция на партийном съезде в 1896 г. захватили власть в демократической партии. Прежняя демократическая партия исчезла навсегда [Ротбард 2009, с. 180]. В то же время республиканцы отказались от ненавистного лозунга введения сухого закона и поддержали золото [там же, с. 181]. Преобразование, случившееся в 1896 г., и смерть трехпартийной системы означали для Америки конец великой либертарианской партии, стоявшей за режим *Laissez Faire* и твердые деньги [там же, с. 182].

Таким образом, политические перемены случились в 1896 г., так как именно к этому периоду произошли внутривнутрипартийные изменения: демократическая партия отказалась от принципов *Laissez Faire*, которые поддерживали иммигранты-католики, сделав ставку «на борьбу с богатеями» Брайна. Республиканцы же отказались от идеи сухого закона и переманили на свою сторону часть католиков, однако их экономическая программа уже означала движение в сторону прогрессизма, что и произошло в республиканской партии, когда ее члены Теодор Рузвельт и Уильям Тафт стали бороться с капитализмом и индивидуализмом.

Эти выборы стали «опрокидывающими» для той политической системы США, которая позволяла делать выбор между «партией свободы» и «партией власти». Теперь можно было делать выбор лишь между различными видами этатизма. Идеологическая подготовка способствовала таким переменам, они произошли в 1896 г., хотя это могло произойти и чуть позже, но с теми же последствиями. «В итоге господство идеологии прогрессизма в 1900–1918 гг. сделало Америку социально-милитаристским государством всеобщего благосостояния» [там же, с. 182–183].

Кризис 1907 года

Как и предыдущий кризис, кризис 1907 г. был вызван кредитной экспансией. Денежные средства выросли с 261 млн долл. в 1897 г. до 339 млн долл. в 1906 г. [Фридман 2007, с. 170]. Темпы роста денежной массы в 1902–1906 гг. составили 7,3 % [там же, с. 150]. Кризис прежде всего ударил по банковской системе. Однако он также не был долгим, реальные доходы вернулись на докризисный уровень уже в 1909 г. Новый курс

²⁰ Американцы немецкого происхождения были преданы золотому стандарту. Коммунист-анархист Иоганн Мост, требовавший отказа от денег как таковых, на выборы 1896 г. шел с требованиями золотого стандарта [Ротбард 2009, с. 181].

Рузвельта растянул этот процесс на 12 лет. Реальные доходы вернулись на докризисный уровень только в 1941 г.

Партии и политические элиты к 1907 г. были готовы к тому, чтобы воспринять кризис в экономике как свидетельство «окончательного провала капитализма» с требованием радикальных мер. Поэтому важно описать то, как он повлиял на экономическую политику государства.

В начале октября 1907 г. разразился жестокий банковский кризис [Ротбард 2009, с. 247]. Прогрессисты видели необходимость внедрять Центральный банк с его эластичным предложением денег. Но общество было еще к этому не готово. В январе 1908 г. Джон Даффилд заявил: «Существует общее понимание, что, прежде чем мы получим законы [создающие Центральный банк], нужно провести просветительскую кампанию среди банкиров, потом — среди людей бизнеса, а уж потом только — среди публики в целом» [там же, с. 250]. Хотя Фрэнк Тауссиг уже в 1893 г. мечтал о том, что объем денег будет «беспрепятственно расти в ответ на спонтанное увеличение потребности в дополнительных деньгах» [там же, с. 204], это не было общим мнением. Кризис вызвал необходимость финансовых и политических элит действовать. 22 ноября 1910 г. финансовые элиты собрались на острове Джекил-Айлэнд, где присутствовали два человека от Рокфеллера, два от Моргана, один от Куна-Леба. Официально они поехали охотиться на уток [там же, с. 260]. На самом же деле, они обсуждали создание Федеральной резервной системы США. Был разработан детальный план реформ. Нужно было создать аналог Рейхсбанка, но так, чтобы американцы были довольны тем, что сохраняется их индивидуализм, поэтому было решено создать 12 федеральных резервных банков, все же так это выглядело не как монополия, хотя от такого формального решения ничего не меняется. Б. Хепберн заявил в августе 1913 г.: «Все входящие в систему банки станут совместными владельцами доминирующей власти» [там же, с. 265]. Так и получилось.

Произошло сращивание крупного бизнеса, финансистов и власти. Это стало возможным благодаря общественному мнению, которое к этому моменту поддерживало централизацию и видело источник всех бед в капитализме²¹.

М. Ротбард делает вывод о том, при каких условиях возможен переход к тотальному государству: «Чтобы создать государство-Левиафан,

²¹ В послевоенный период американские историки-прогрессисты очень высоко оценивали создание ФРС и эластичное предложение денег [Link 1954, p. 53].

должны работать бок о бок алчность, жаждущая особых привилегий, и интеллектуалы, способные обеспечить благородную патину учености и идеологической выдержанности» [там же, с. 266]. Все эти условия были выполнены в 1913 г.

Такой альянс оказался успешным для его членов, тотальное государство и тотальная война нашли в лице Вудро Вильсона своего наиболее последовательного сторонника.

Профсоюзы

Первоначальное антикапиталистическое движение в США начиналось с профсоюзов. В начале своего существования они не имели революционных задач и не препятствовали бизнесу, но достаточно быстро перешли к насильственным способам действия.

Ко второй половине XIX в. суды в целом держались того мнения, что само существование профсоюзов и практика коллективных переговоров не нарушают закона [Хиггс 2010, с. 176].

Но сами профсоюзные лидеры не хотели на этом останавливаться. Когда профсоюзы стали использовать методы террора: бросали во время забастовок бомбы в полицейских, захватывали заводы, нападали и убивали штрейкбрехеров, тогда суды стали выносить обвинительные приговоры и поставили их деятельность в нелегальное положение.

Например, на Дальнем Западе бастующие горняки схлестнулись с штрейкбрехерами на серебряных рудниках в Кёр-д'Ален, штат Айдахо. Это вызвало возмущение общественности: «Пагубной и возмутительной чертой этих забастовок, — писала “Миннеаполис таймс”, — является полное пренебрежение правами общественности, которой, как правило, достается больше всех... Даже не обсуждается вопрос об адекватном возмещении потерь населения, страдающего от нарушения обычного хода дел и косвенных последствий беспорядков» [там же, с. 177].

В 1894 г. произошло около 1400 забастовок, в которых участвовало более полумиллиона рабочих. Весной более 100 000 шахтеров прекратили добычу битуминозного угля в Северном угольном бассейне. То там, то здесь случались вспышки насилия²² [там же, с. 179].

²² Так описывает забастовку трамвайщиков Теодор Драйзер в романе «Сестра Керри». Тех, кто был готов работать за меньшие деньги — штрейкбрехеров, — бастующие часто избивали и даже убивали:

Нельзя сказать, что профсоюзы пользовались особой популярностью среди американских рабочих. Общее число членов профсоюзов увеличилось с менее полумиллиона в 1897 г. до почти 2 млн человек в 1904 г., затем стабилизировалось на несколько лет²³ [там же, с. 202].

«Шел четвертый день забастовки, и дело начало принимать плохой оборот. Бастующие иногда останавливали вагоны и вступали в переговоры со штрейкбрехерами, а те, случалось, сдавались на уговоры и уходили. В некоторых вагонах были выбиты стекла, было несколько стычек, сопровождавшихся криками и угрозами, но только человек пять или шесть пострадали серьезно.

Страсти быстро разгорались, и бастующие начали нападать на вагоны, набрасываться на штрейкбрехеров, затевать побоища с полицией и разбирать рельсы. Наконец стали даже раздаваться выстрелы. Уличные бои участились, и город был наводнен полицией.

Группа людей, стоявших на углу, не преминула послать вслед вагону несколько сочных ругательств.

— Чтоб вы подошли голодной смертью! — крикнула какая-то старая ирландка, открывая окошко и высовываясь на улицу. — И ты тоже, гад! — добавила она по адресу одного из полисменов.

— Я тебе покажу, скэб проклятый! — ответил какой-то молодой ирландец, вскакивая на площадку.

Он нацелился кулаком Герствуду в челюсть, но тот наклонился, и удар пришелся в плечо.

Как и раньше, послышались насмешливые окрики, свистки, и сразу посыпался град камней. Несколько стекол было разбито, и Герствуд еле успел наклониться, чтобы избежать удара в голову. Несколько человек, ободренных примером, вскочили на площадку и стащили оттуда Герствуда. Не успел он и слова произнести, как очутился на земле.

— Оставьте меня в покое! — только успел он крикнуть, падая на бок.

— Ах ты, паршивец! — заорал кто-то.

Удары и пинки посыпались на Герствуда. Ему казалось, что он сейчас задохнется. Потом двое мужчин его куда-то потащили, а он стал обороняться, стараясь вырваться.

В тот же миг прогремел выстрел, и что-то обожгло Герствуду правое плечо» [Драйзер 1986, с. 458–464].

²³ «Большинство бастовавших в Ладлоу шахтеров были недавними иммигрантами, плохо или совсем не владевшими английским, что указывает на тесную связь между проблемой трудовых отношений и иммиграцией. В период депрессии 1890-х гг. объемы иммиграции уменьшились, но к концу столетия вновь значительно выросли. В 1901–1914 гг. в страну ежегодно прибывало около 1 млн человек. (В 1900 г. население США составляло около 76 млн человек, и 1 млн иммигрантов в год существенно увеличивал темпы роста населения. Была, конечно, и значительная эмиграция.) Среди иммигрантов преобладали молодые мужчины из Южной и Восточной Европы, быстро находившие себе место на бурно растущих заводах и шахтах индустриальной Америки» [Хиггс 2010, с. 203].

Это меньше 3 % населения США, так что это миф, что заработная плата росла благодаря профсоюзам, она росла благодаря конкуренции капиталистов за труд и росту производительности самого труда в результате внедрения изобретений тех самых капиталистов.

Американские социалисты видели в деятельности профсоюзов потенциальный источник революционной ситуации. Они не дождалась пролетарской революции, но получили то, о чем мечтали иным путем — путем прямого влияния на власть. Президентом страны стал сторонник прогрессизма и радикального подхода к регулированию экономики, потребовавший отказаться от индивидуализма в пользу неограниченной власти государства.

Левый поворот

Эпоху прогрессизма принято отсчитывать от кризиса 1894 г. либо от 1900 г., когда президентом США стал Теодор Рузвельт. Он не был радикалом по своим первоначальным взглядам, а был вполне умеренным республиканцем, но как успешный политик не хотел «отставать от паровоза».

Именно с его президентства, по сути, начинается Прогрессивная эра²⁴. Это давало шанс для левых движений [Chambers 1980, p. 65].

Рузвельт говорил о необходимых переменах в устройстве общества, сожалел, что они не начались раньше: «Новая [Прогрессивная] партия стала американским представителем всемирного движения за более справедливые социально-бытовые условия, движения, которое Соединенные Штаты, отстающие от крупных государств, необъяснимо медленно воплощают в политической деятельности» [Голдберг 2012, с. 102].

Из уст Рузвельта можно было услышать то, что в США еще за несколько лет до этого было немыслимо. «Каждый человек владеет своим имуществом, но при этом общество имеет право регулировать использование данного имущества в любой степени, как того может потребовать

²⁴ В 1960-е гг. историками был создан миф о том, что прогрессизм был восстанием рабочих и фермеров, которые под руководством интеллектуалов и экспертов преодолели ожесточенное сопротивление большого бизнеса, ставшего монополистом [Ротбард 2009, с. 187]. На самом деле все было ровно наоборот: до Прогрессивной эры доля «монополистов» на рынке снижалась, заработная плата росла. Дэвид Кеннеди не зря отмечает, что «большинство американских университетских историков считают себя политическими наследниками традиции прогрессизма» [Голдберг 2012, с. 97].

общественное благосостояние» [там же, с. 100]. Первые поселенцы бежали от всемогущего государства в Европе, чтобы через несколько веков обрести его же в Новом свете. В 1630 г. лидер общины Джон Уинтроу говорил перед своей общиной: «...будем мы подобны Граду на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас; и если мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, и заставим его отказать нам в помощи, которую он оказывает нам ныне, мы станем притчей во языцах всему миру» [Бурстин 1993, с. 11]. Пуритане перестали ценить индивидуальную свободу и вернулись к тем принципам, от которых бежали из Европы²⁵.

Теодор Рузвельт был сторонником замены «частных монополий» государственной: «Попытка запретить все формы монополизма, по существу, провалилась. Выход [из сложившейся ситуации] заключается не в том, чтобы препятствовать образованию монополий, но в получении полного контроля над ними в интересах общественного благосостояния» [Голдберг 2012, с. 100].

При Рузвельте в 1903–1905 гг. в США было создано министерство торговли и труда. В 1914 г. были легализованы профсоюзы и ужесточено антитрестовское законодательство [Кавтарадзе 2005, с. 212]. Именно так происходил процесс этатизации экономики.

Рузвельт манипулировал прессой, распространив слух о том, что ему поступило предложение от Рокфеллера об уничтожении Бюро по корпорациям (которое должно бороться с монополиями) и предлагалась встреча для обсуждения этой сделки. Были опубликованы телеграммы, в которых Рокфеллер ему якобы это предлагал. Рузвельт был очень доволен, так как общественность возненавидела Рокфеллера, и это позволило ему протолкнуть свои антимонопольные инициативы. Позже выяснилось, что Рокфеллер не писал подобных телеграмм [Черноу 1999, с. 239].

Хотя Вудро Вильсон был демократом, эта партия уже не имела ничего общего с той либертарианской партией, какой она была в XIX в. Несомненно, что истоки прогрессизма Вильсона следует искать в его биографии, которая была связана с академической карьерой. Следует отметить, что Вильсон стал первым американским президентом с ученой степенью доктора философии. Он также получил широкое признание как основоположник научной дисциплины «государственное управление». После защиты докторской диссертации в Университете Джона Хопкинса

²⁵ В Европе «государство — это гигант, властвующий над пигмеями», — полагал Бальзак [Кревельд 2006, с. 319].

Вильсон написал 800-страничную книгу «Государство». Вот какие мысли в ней содержались: «Они [народ] как дети, а мы [правительство] взрослые в этих сложных вопросах государственного управления и правосудия» [Голдберг 2012, с. 91]. «Я не могу представить себе власть как отрицательное, а не положительное явление» [там же, с. 92], — писал он в противовес мнению по этому вопросу отцов-основателей США. Его главными героями были прусский канцлер Отто фон Бисмарк и Авраам Линкольн. Историк Уолтер Макдугал писал о характере Вильсона: «Он любил власть, стремился к ней и в некотором смысле прославлял ее». Вильсон утверждал, что он правая рука Бога и что несогласие с ним равносильно неприятию Божьей воли» [там же, с. 92–93]. Вильсон с презрением относился к идеям отцов-основателей: «Немало абсурдных идей было высказано о неотъемлемых правах личности, при этом основывались они преимущественно на смутных и умозрительных построениях» [там же, с. 94]. И наконец его взгляды на роль вождя мало отличаются от идей представителей немецкого национал-социализма. В работе 1908 г. «Конституционное правительство» он писал: «Президент волен как по закону, так и по совести стать настолько значительной фигурой, насколько это будет в его силах. Ограничен он будет лишь своими способностями» [там же, с. 94]. «Мы должны требовать, чтобы отдельные личности были готовы отказаться от ощущения собственного успеха и согласовывать свои действия с деятельностью большинства» — таков был итог его политической философии, которую он был намерен реализовать на практике. Для этого нужно было сформировать умы подрастающего поколения.

Джейн Адамс, сторонник Прогрессивной партии, писал: «Наша задача состоит не просто в том, чтобы помочь студентам приспособиться к жизни в мире, но чтобы сделать их настолько отличными от родителей, насколько это возможно» [там же, с. 96]. Так, американская общественная активистка Лилиан Вальд, посетив российские экспериментальные школы, констатировала, что идеи Джона Дьюи реализуются там «не менее чем на 150 процентов» [там же, с. 110]. Сам Дьюи писал: «Нам придется оставить наш привычный индивидуализм и идти в ногу». Его сторонник повторял за ним: «Политика невмешательства умерла. Да здравствует социальный контроль!» [там же, с. 91–115]

Видя себя вождем, Вильсон в эссе «Лидеры человечества» писал в 1890 г.: «Умелого лидера мало интересуют тонкости характера других людей, для него важны — в крайней степени — конкретные возможности их применения... В то время как он является источником власти,

другие только предоставляют материал для реализации этой власти... Власть предписывает; материал поддается. Люди подобны глине в руках опытного лидера» [там же, с. 97].

Вильсон, вторя Теодору Рузвельту, вещал, что «без бдительного вмешательства, без решительного вмешательства государства невозможна никакая честная игра между частными лицами и такими могущественными организациями, как тресты. Сегодня свобода — это нечто большее, чем возможность действовать на свой страх и риск. В наши дни реализуемая государством программа свободы должна быть позитивной, а не просто негативной» [Хиггс 2010, с. 205].

Неудивительно, что активнее всех в это верили те, кого считали экспертами, т. е. чрезвычайно разросшийся и все более влиятельный класс интеллектуалов. Начало XX в. стало свидетелем бурного роста колледжей и университетов. В 1900 г. насчитывалось всего 7 тыс. президентов, профессоров и преподавателей колледжей, а спустя двадцать лет их было 33 тыс. [там же, с. 215].

Студенческий социализм был в моде во всех лучших колледжах и университетах и окрашивал мышление многих молодых радикалов, включая как Уолтер Липпман. Для многих прогрессистских реформ социализм послужил источником если не методов, то критики, и его влияние, не всегда осознанное, чувствовалось во всех общественных науках [там же, с. 217].

Прогрессисты верили в евгенику. Они также были империалистами. Они были убеждены, что посредством планирования рождаемости и давления на население государство может создать чистую расу, общество новых людей. Они не скрывали своего враждебного отношения к индивидуализму и гордились этим [Голдберг 2012, с. 89]. Их идеи повлияли на Дж. М. Кейнса, который считал евгенику самой важной в практическом отношении частью социальных наук.

Вильсон с презрением относился к конституции США: «Как известно, Джефферсон сказал, что лучшее правительство — это такое, которое управляет меньше всего... Но это время прошло. Америка ни сейчас, ни в будущем не может быть местом для неограниченного индивидуального предпринимательства» [там же, с. 101].

Уильям Ален, сторонник прогрессизма, писал: «Мы были частями одного целого в Соединенных Штатах и Европе. Что-то сплачивало нас в одно социальное и экономическое целое. Несмотря на местные различия. Стаббс в Канзасе, Жорес в Париже, социал-демократы в Германии, социалисты в Бельгии и, пожалуй, я могу сказать, все население Голлан-

дии — все боролись за общее дело» [там же, с. 102]. Действительно, антикапиталистическое движение докатилось-таки и до США.

Особую роль в философии прогрессистов сыграл Фридрих Ницше. Так «Нью-Йорк-Таймс» писала 1910 г.: «Ницше витает в воздухе. В любой работе теоретического плана вам рано или поздно встретится имя Ницше» [там же, с. 102]. По сути, тремя источниками прогрессизма были: ницшеанство, дарвинизм, гегельянство [там же, с. 112]. Не обошлось и без влияния марксизма. Был крайне важен для прогрессистов и Сорель, который писал: «Правда и ложь — относительные понятия. Бывают безжизненная правда и жизненная ложь. Сила идеи заключается в способности вдохновлять. При этом почти не важно, верна ли она или нет» [там же, с. 119].

Вильсон был убежденным врагом крупного бизнеса, он полагал, что «все начиналось с малого бизнеса, теперь всем правят крупные корпорации» [Diner 1998, p. VII] и именно с ними нужно бороться.

Идеалом для Вильсона была модель Германии Бисмарка. Вильсон писал о ней: «Государство всеобщего благосостояния Бисмарка — замечательная система... наиболее изученная и в наибольшей степени завершенная из всех известных в этом мире»²⁶ [Голдберг 2012, с. 103].

Вера Вильсона в то, что общество можно подчинить воле тех, кто занимался социальным планированием, зародилась в Университете Джона Хопкинса, первом американском университете, который был основан на немецкой модели [там же, с. 103]. Самым известным и влиятельным был тогда Элай, выступавший более значимым идеологом прогрессизма, чем Фридрих фон Хайек для консерватизма Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана [там же, с. 104]. Элай перебрался в Висконсинский университет. Там он участвовал в создании Висконсинской системы, где преподавательский состав помогает управлять государством [там же, с. 104]. Книги

²⁶ Такое убеждение было импортировано американскими прогрессистами из немецких университетов, в которых они учились: «Уильям Дюбуа, Чарльз Бирд, Уолтер Вейл, Ричард Элай, Николас Мюррей Батлер и бесчисленное множество других основоположников современного американского либерализма были в числе 9000 американцев, которые учились в немецких университетах в XIX веке. Когда была создана Американская экономическая ассоциация, пять из шести первых ее сотрудников учились в Германии. 20 из 26 ее первых президентов учились в Германии. По их собственному признанию, они чувствовали себя освобожденными, обучаясь в интеллектуальной среде, где считалось, что знающие люди способны придавать форму обществу подобно глине». Германия Бисмарка была «катализатором американской прогрессивной мысли» [Голдберг 2012, с. 102–103].

Элай были одним из важных источников прогрессизма [Mann 1975, p. 40]. Элай был также наставником Теодора Рузвельта, который признавал, что Элай первым познакомил его с радикализмом в экономике, а затем научил быть разумным в своем радикализме [Голдберг 2012, с. 104].

Американский историк-прогрессист Чарльз Бирд удачно объяснил негативное отношение прогрессистов к демократии по аналогии с итальянским фашизмом: «Враждебность дуче по отношению к демократии не является серьезной проблемой. В конце концов, отцы американской республики, в частности Гамильтон, Мэдисон и Джон Адамс, были настолько жесткими и неистовыми, как любой фашист мог только мечтать» [там же, с. 112]. Так далеко в следовании за Старым светом еще в США никто не заходил: «Муссолини удалось добиться создания силами государства самой компактной и единой из когда-либо существовавших организации капиталистов и рабочих»²⁷ [там же, с. 112].

Еще одним важным элементом прогрессизма был милитаризм. Элай полагал: «Есть некоторые прекрасные вещи, которые нация получает благодаря военной дисциплине» [там же, с. 115]; «Если взять мальчиков, болтающихся на улицах и в барах, и занять их строевой подготовкой, мы получим отличный моральный эффект, и на экономике это отразится благоприятно» [там же, с. 115].

Во время войны Вильсон проводил займы и кампанию за них. Один плакат «Займа свободы» гласил: «Я — общественное мнение. Все люди боятся меня! Если у Вас есть деньги, чтобы купить облигации, но Вы их не покупаете, я сделаю эту страну ничьей для Вас!» [там же, с. 118].

Герберт Гувер был главой Продовольственного управления США во время Первой мировой войны: «Ужин — одно из ярчайших проявлений расточительности в нашей стране». Дети во время войны должны были подписывать «Обещание маленького американца»:

За столом я не оставлю ни крошки
Еды на тарелке.
И я не буду есть между приемами пищи, но
Буду ждать ужина.
Я обещаю, что внесу
Свой честный и искренний вклад
В помощь моей Америке
От всего своего верного сердца [там же, с. 120].

²⁷ Вильсон прямо предупреждал своих противников: «Если Вы не прогрессист, то берегитесь!» [Голдберг 2012, с. 113]

Принятый Вильсоном Закон о подстрекательстве запретил распространение в устной, печатной, рукописной формах любых нелояльных, оскверняющих, непристойных или оскорбительных заявлений о правительстве Соединенных Штатов. Были запрещены 75 периодических изданий [там же, с. 121]. В соответствии с законом о шпионаже 1917 г. любая критика правительства, даже в собственном доме, могла повлечь тюремное заключение [там же, с. 122]. Один человек был привлечен к суду за то, что в собственном доме рассуждал о том, почему он не желает покупать облигации «Займа свободы» [там же, с. 122]. Министерство юстиции создало полуофициальную организацию «Американская защитная лига». Члены этой организации получили значки и задание следить за своими соседями, коллегами и друзьями [там же, с. 123].

В это время Вильсон вещал: «Серьезнейшая угроза нашему миру и национальной безопасности возникла в пределах наших собственных границ. Мне стыдно в этом признаваться, однако среди граждан Соединенных Штатов, рожденных под другими флагами, есть такие, которые впрыскивают яд неверности в артерии нашей национальной жизни; которые стремятся подорвать авторитет и доброе имя нашего правительства, уничтожить нашу промышленность везде, где подобные атаки будут в наибольшей степени отвечать их мстительным целям, и навредить нашей политике в интересах иноземных интриганов» [там же, с. 124]. И продолжал: «Если я поймаю человека с дефисом (флагом иностранного государства. — *П. У.*), то буду знать, что в моих руках враг государства» [там же, с. 124].

Атмосфера накалялась и в самом обществе. Человек, который не встал перед исполнением национального гимна во время бейсбольного матча, был избит фанатами на трибунах [там же, с. 125].

Теоретики прогрессизма поддерживали насилие как средство решения проблем. Элай писал: «Каждого, кто высказывает мнения, которые препятствуют нам в этой ужасной борьбе, необходимо уволить или даже расстрелять» [там же, с. 126].

Во время войны 175 тыс. американцев были арестованы за нежелание продемонстрировать свой патриотизм [там же, с. 126]. В итоге за несколько лет правления Вильсона было заключено в тюрьму больше диссидентов, чем за 1920-е гг. при Муссолини [там же, с. 88]. Вильсон создал лучшее и более эффективное Министерство пропаганды, чем то, которое было у Муссолини [там же, с. 89].

Таким образом, те, кто называет себя прогрессистами, так же как и большинство американских социалистов, были в авангарде движения за истинно тоталитарное государство.

Полагаю, в свете сказанного не будет шокирующей оценка Вильсона, которую дал Джон Голдберг в книге «Либеральный фашизм: история левых движений от Муссолини до Обамы»: «Первым фашистским диктатором XX века стал Вудро Вильсон» [там же, с. 88]. Как мы увидим ниже, он был не только теоретиком тоталитарного государства, но и смог реализовать свою модель во время войны.

Тотальное государство и тотальная война Вудро Вильсона

Никогда до Первой мировой войны подавление свободы не получало столь единодушной поддержки всевозможных органов власти — муниципалитетов, штатов и федерации.

Артур Икирич,
историк, автор книги «Идеологии и утопии: влияние Нового курса на американскую общественно-политическую мысль США» [Ekirch, 1969]

Правительство Вильсона включилось в военную экономику по полной программе. В ноябре 1918 г. численность американских войск на Западном фронте достигла 2 млн человек. К концу войны была создана армия в 4,8 млн человек [Севастьянов 1985, с. 378].

Государство взяло в свои руки океанские и железнодорожные перевозки, телефонную и телеграфную связь; оно распоряжалось сотнями заводов, да и само стало крупным предпринимателем — строило корабли и производственные здания, торговало зерном; оно ссужало — прямо или косвенно — огромные суммы разным предприятиям и регулировало частную эмиссию ценных бумаг; оно официально установило приоритетный порядок использования транспортных мощностей, продуктов питания, топлива и многих видов сырья; оно улаживало сотни трудовых конфликтов и призвало миллионы мужчин на службу в вооруженных силах. Короче говоря, оно активно искажало работу рынков или полностью вытеснило их, создав то, что некоторые современники прозвали «военным социализмом» [Хиггс 2010, с. 217].

Принимались законы, по сути полностью уничтожившие частную собственность. Если владелец соответствующих ресурсов откажется выполнять заказы «по разумной цене, устанавливаемой министром

оборонь», президент будет «уполномочен немедленно принять во владение любой подобный завод и... производить там... ту продукцию или материалы, которые могут потребоваться, а собственник признается» виновным в уголовном преступлении [там же, с. 236]. Невиданное до этого отношение к частной собственности! Чтобы предупредить попытки воспрепятствовать призыву, конгресс в законе о шпионаже от 15 июня 1917 г. предусмотрел, что «любой, кто... умышленно помешает набору или вербовке на службу США, пребывающим в состоянии войны, подлежит наказанию штрафом не более чем в 10 000 долл., или заключением в тюрьму на срок не более 20 лет, или тем и другим». К тому же министр почт, на которого была возложена цензура, предупредил: «Мы не потерпим кампаний против призыва» [там же, с. 243].

Генеральный прокурор дошел до того, что потребовал от частного союза суперпатриотов «Американская лига защиты» помощи в поиске уклоняющихся от службы в армии. Члены Лиги осуществили множество рейдов, арестовали примерно 40 тыс. граждан и провели около 3 млн расследований по обвинению в попытке уклониться от военной службы [там же, с. 269].

Как сказал историк Кеннеди, «перегретый патриотизм... целенаправленно культивировавшийся администрацией Вильсона... был прогнозируемым следствием нежелания администрации сделать истинные материальные издержки войны видимыми, чтобы их можно было возложить на людей явным образом» [там же, с. 245]. В частности, это касается оплаты труда военных, которые получали меньше, чем если бы цену их услуг определял рынок.

Регулирование коснулось и потребительских товаров. Полмиллиона людей ходили из дома в дом, чтобы вручить домохозяйкам удостоверения с признанием их патриотического сотрудничества в деле экономии продовольствия [там же, с. 246]. Посетители ресторанов бдительно следили за соблюдением в них двенадцати правил, установленных Управлением по контролю за продовольствием. Розничные торговцы вынуждены были от каждого покупателя пшеницы требовать покупки равных количеств другой крупы. Время от времени людям запрещали резать кур, есть мясо или съедать более двух фунтов мяса в неделю. Естественно, бурная деятельность тысяч мелких тиранов, которых государство щедро наделило полномочиями, доставляла людям массу неприятностей [там же, с. 250].

Большое государство коррумпировало крупный бизнес. Так, Бернард Барух заработал множество денег, работая на государство. Он был политическим предпринимателем.

«Важнейшим инструментом контроля, — подтверждает Барух, — было право определять приоритеты: кто, что и когда получает». Установление приоритетов было «сложной и деликатной задачей»: «Следует ли отдать пароходы Першингу, чтобы везти его части на фронт, или пусть они идут в Чили за селитрой для изготовления боеприпасов для частей того же Першинга? Следует ли отдать приоритет миноносцам для борьбы с немецкими подводными лодками или торговым судам, которые гибнут под ударами этих подводных лодок?» [там же, с. 257]. Тем, кто знаком с принципами экономической теории, известно, что эти задачи не имеют рационального решения и всегда основаны на произволе. Во время войны таких произвольных решений становилось огромное количество.

«Вместо того чтобы позволить ценам определять, что будет произведено и куда произведенное будет направлено, — пишет Барух, — мы решали как именно будут использованы наши ресурсы» [там же, с. 258].

Многие действия правительства в ходе Первой мировой войны не имели прецедентов и уж подавно не были конституционными, и потому судебные споры становились неизбежны. По большей части решения Верховного суда не выносились до самого конца войны, когда судьи могли, по выражению одного выдающегося правоведа, «разве что закрыть двери после того, как колокол свободы был украден» [там же, с. 268].

Введенная ставка подоходного налога в 1 % быстро превратилась в 77 % в 1918 г. и даже в «ревушие двадцатые» в 1925 г. оставалась на уровне 46 % [там же, с. 274].

Опыт военного планирования, — полагает историк Джордж Соул, — наложил неизгладимый отпечаток на мышление участвовавших в нем экономистов и инженеров», сделав их готовыми и после войны рассматривать известные им методы централизованного управления как работоспособные [там же, с. 279–280].

Барух признавал: «Опыт военно-промышленного управления (ВПУ) оказал глубокое влияние на мышление бизнеса и государства. ВПУ продемонстрировало эффективность промышленной кооперации и преимуществ государственного планирования и руководства. Мы помогли похоронить последние догмы *Laissez Faire*, которые так долго формировали экономическое и политическое мышление Америки. Опыт научил нас, что государственное руководство экономикой не всегда неэффективно и недемократично, а также что оно незаменимо в период опасности» [там же, с. 280].

Дж. М. Кларк был прав, когда писал о последствиях войны: «Мы многому научились, как и подобает людям, пережившим великие события, но слишком часто, похоже, мы учились не тому, чему нужно» [там же, с. 282].

Таким образом, администрация Вильсона при поддержке конгресса и Верховного суда провела призыв на военную службу, установила приоритеты использования транспорта, топлива и производственных мощностей, зафиксировала цены, провела широкую реквизицию собственности и даже прямую национализацию целых отраслей [там же, с. 283]. Экономика была этатизирована в полной мере.

Вильсон смог реализовать на практике те философские идеи, которые были изложены в его книге «Государство». Он мечтал быть диктатором и им стал в стране, которая возникла как антитеза европейским тиранам Средних веков и Нового времени.

Все эти методы Вильсона управления экономикой были возрождены в период Нового курса Рузвельта [Усанов 2017, с. 23–30].

Последствия этатизма

Идеология прогрессизма, ставшая господствующей к 1914 г., породила усиление государства-Левиафана. Всему миру пришлось расплачиваться за «пагубную самонадеянность» [Хайек 1992, с. 116–156] интеллектуалов и политиков Прогрессивной эры. Вместо сокращения монополизма и неравенства государство породило сверхмонополию и возвело в принцип борьбу за привилегии и за поиск ренты.

Первая мировая война, Великая депрессия, Вторая мировая война стали ценой «левого поворота». Потери были колоссальными не только в экономической сфере, погибли миллионы людей, был нанесен удар по ценностям индивидуальной свободы и права собственности.

Только в 1945 г. на Западе начинается возврат к нормальности в экономической политике и становится очевидным разочарование в тотальном государстве, социализме и планировании.

Позолоченный век в действительности был золотым веком американской экономики²⁸, а действительное содержание Прогрессивной эры

²⁸ Темпы роста капитала в США (средние темпы роста в процентах в год) в 1870–1913 гг. — 5,53 % (в Великобритании — только 1,73 %); для сравнения: после войны — только 2,27–2,30 %. То есть накопление капитала никогда так быстро не

было в тотальном регрессе, особенно в интеллектуальной сфере, за которой последовал упадок и в экономике. Но это тема уже другой работы.

История США 1865–1918 гг. подтверждает верность слов Мизеса: «Подлинная история человечества — это история идей. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы, производства и все, что называют экономическими условиями» [Мизес 2001, с. 136]. Идеи либерализма породили экономический прогресс, а идеи этатизма и социализма — разруху.

В 1900 г. вышла в свет первая книга Теодора Драйзера «Сестра Керри», повествующая о судьбе двух персонажей: банкира Герствуда и провинциальной девушки, которая приезжает покорять американский мегаполис.

Герствуд, как олицетворение капитализма, шаг за шагом теряет свой капитал, репутацию и средства к существованию, заканчивая свои дни в приюте для бедных.

Герствуд заплатил пятнадцать центов и устало поплелся в отведенную ему клетушку. Это была грязная, пыльная каморка с дощатыми стенами. Маленький газовый рожок освещал убогий приют.

— Кхе! — откашлялся Герствуд и запер дверь на ключ.

Он начал, не торопясь, раздеваться. Снял рваный пиджак, он законопатил им большую щель под дверью. Жилет послужил для той же цели. Старый, мокрый, растрескавшийся котелок он положил на стол. Затем снял башмаки и прилег.

Потом, как будто вспомнив о чем-то, Герствуд встал, завернул газ и постоял спокойно во мраке. Он выждал минуту, ни о чем не думая, а просто колеблясь, потом снова открыл кран, но не поднес спички к рожку. Так он стоял, окутанный милосердным мраком, а газ быстро наполнял комнату. Когда отвратительный запах достиг обоняния Герствуда, он ощупью нашел койку и опустился на нее.

— Стоит ли продолжать? — чуть слышно пробормотал он и растянулся во всю длину [Драйзер 1986, с. 537].

происходило ни до, ни после в истории США. Темпы роста ВВП были больше, чем у любой страны, — 3,94 % (в Германии — 2,81 %); для сравнения: в 1970–200 гг. темпы были всего 2,94 % [Мэддисон 2012, с. 572, 582]. Если бы экономика США продолжила развиваться теми же темпами, то многих социальных и экономических проблем в этой стране уже бы не существовало.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ, 2015.
- Арментано Д.* Антитраст против конкуренции. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Бергин Э.* Великая революция идей. М.: Мысль, 2017.
- Берман Г.* Вера и закон. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
- Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс–Литера, 1993.
- Гайдар Е.* Долгое время. М.: Дело, 2005.
- Голдберг Дж.* Либеральный фашизм: история левых сил от Муссолини до Обамы. М.: Рид Групп, 2012.
- Драйзер Т.* Сестра Керри // Собрание сочинений: В 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1986.
- Кавтарадзе г. А.* История экономического развития Запада. М.: Энигма, 2005.
- Кондратьев Н.* Северо-Американские Соединенные Штаты: Индустриализация // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Изд. 7-е. М.: Русский библиографический институт Гранат, 1926. Т. 41, ч. 6.
- Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Леви Г.* Основы экономического могущества Соединенных Штатов Америки. М.: Книга, 1923.
- Майбурд Е.* От пророков до профессоров: погружение в мир экономических идей. Ганновер: Семь искусств, 2017.
- Манту П.* Промышленная революция в XVIII столетии в Англии. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
- Мизес Л.* Теория и история. М.: ЮНИТИ, 2001.
- Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1–2003 гг. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
- Найт Ф.* Этика конкуренции. М.: Эком Паблишер, 2009.
- Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2015.
- Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум, 2009.
- Рэнд А.* Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Рэнд А.* Атлант расправил плечи. М.: Альпина Паблишер, 2016.
- Самнер У.* Протекционизм. Челябинск: Социум, 2002.

Севастьянов Г., Языков Е., Попова Е. История США: В 4 т. Т. 2. М.: Наука, 1985.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

Твен М. Позолоченный век // Собрание сочинений: В 12 т. Т. 3. 1959.

Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ, 2011.

Усанов П. Великая депрессия и Новый курс: уроки для современности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017 (Серия препринтов; М-56/17; Центр исследований модернизации).

Усанов П. Наука о богатстве. СПб.: Страта, 2018.

Уэрта де Сото. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.

Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов: 1867–1960. Киев: Ваклер, 2007.

Фурман Д. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981.

Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992.

Хиггс Дж. Кризис и Левиафан. М.: ИРИСЭН, 2010.

Черноу Р. Титан. Жизнь сэра Джона Д. Рокфеллера. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.

Шпотов Б. Промышленная революция в США. М.: Академия наук СССР, 1990.

Chambers J. W. The Tyranny of Change: America in Progressive Era, 1900–1917. NY: St. Martin's Press, 1980.

Clark J. The Nature and Progress of True Socialism // The New Englander and Yale Review. 1879. Vol. 38. P. 565–581.

Diner S. A very Different Age: America in Progressive Era. NY: Hill and Wang, 1998.

Dorfman J. Economic Mind in American Civilisation. Vol. III (1865–1918). NY: The Viking Press, 1949.

Ekirch A. Ideologies and Utopias: The Impact of the New Deal on American Thought. Chicago: Quadrangle Books, 1969.

Faust D. G. This Republic of Suffering: Death and The American Civil War. NY: Vintage, 2008.

Folsom B. The Myth of the Rober Barons. Washington: Young America's Foundation, 2010.

Johnson P. History of the American People. NY: Harper Collins Publisher, 1997.

Link A. Woodrow Wilson and the Progressive Era: 1910–1917. NY: Harper and Row Publisher, 1954.

Mann A. The Progressive Era. Hinsdale: The Dryden Press, 1975.

May E. The Progressive Era. NY: Time-life Books, 1964.

Rothbard M. Progressive Era. Auburn: Mises Institute, 2017.

Павел Усанов

**Позолоченный век и Прогрессивная эра в США:
уроки для современности**

Препринт М-63/18

В авторской редакции
Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург,
ул. Гагаринская, 6/1
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 05.03.18.

Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ
ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**. Pittsburgh:
University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**.
СПб.: НОРМА, 2015.

Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ,
ИЛЛЮЗИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.